БУХАРИН Николай Иванович (1888-1938) - большевистский политический деятель, философ и социолог. Впервые арестован и сослан во время обучения на выпускном курсе экономического отделения юридического факультета Московского университета (1911). После Октябрьского (1917) переворота - ответственный редактор центрального органа большевистской партии газеты "Правда" (1917-1929); член Политбюро ВКП(б) (1924-1929), академик АН СССР (1929), главный редактор газеты "Известия" (1935-1937).

Арестован в 1937. Расстрелян в 1938. Реабилитирован, восстановлен в звании действительного члена АН СССР (1988).

Основные сочинения: "Политическая экономия рантье" (завершена в 1914, опубликована в 1919); "Классовая борьба и революция в России" (1917); "Азбука коммунизма" (в соавторстве с Е.А. Преображенским) (1919); "Экономика переходного периода" (1920); "Теория исторического материализма" (1921); "К постановке проблем теории исторического материализма" (1923); "О мировой революции, нашей стране, культуре и прочем (Ответ академику И. Павлову)" (1924); "Атака. Сборник теоретических статей" (1924); "Ленин как марксист" (1924); "Судьбы русской интеллигенции" (1925); "Ленинизм и проблема культурной революции" (1928); "Политическое завещание Ленина" (1929); "Дарвинизм и марксизм" (1932); "Учение Маркса и его историческое значение" (1933); неопубликованная рукопись "Философские арабески" (1937) и др.

В ранней работе Б.

"Политическая экономия рантье" марксистские по духу приемы критики австрийского экономического маргинализма (Бем-Баверк, Менгер, Визер) дополнялись социологическим анализом их творчества. Согласно Б., их воззрения являлись идеологией буржуа, уже выброшенного из производственного процесса, решающие экономические интересы которого лежали в сфере потребления, - идеологией рантье. Переведенная на многие языки эта книга имела редкий успех для сочинений ортодоксально-марксистского характера. Анализируя "колоссальную экономическую мощь" современного империалистического государства, Б. постулировал появление законченного типа "современного империалистического разбойничьего государства", "железной организации", которая "охватывает своими цепкими загребистыми лапами живое тело общества". По Б., это - "Новый Левиафан, перед которым фантазия Томаса Гоббса кажется детской игрушкой...". Отсюда следовали, согласно Б., глобальный размах и беспрецедентная жестокость Первой мировой войны между империалистическими государствами.

В работах начала 1920-х Б. обосновывал необходимость в обществе с общественным разделением труда "определенного равновесия" всей системы; поиск закона этого равновесия и есть, по Б., основная проблема теоретической экономии. Оправдывая в "Азбуке коммунизма" революционное насилие, Б. утверждал, что трудовая повинность, бывшая при государственном капитализме "закабалением рабочих масс", сейчас приобретает характер "трудовой самоорганизации масс". Сила и принуждение позволяют преодолевать последствия гражданской войны, выковывая "настоящее равновесие из равновесия нарушенного". По мнению Б., "пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью... является методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи...". При этом, опасаясь бюрократизации советского общества, Б. писал, что это - "большая опасность для пролетариата. Не для того он разрушал старое чиновничье государство, чтобы оно выросло снизу".

В работе "Теория исторического материализма", имевшей в официальном английском переводе (Нью-Йорк, 1925) подзаголовок "Система социологии", Б., в частности, отстаивал идею о том, что "исторический материализм не является ни политической экономией, ни историей. Он являет собой общее учение об обществе и законах его развития, т.е. социологию". [В 1962 известный американский социолог С. Липсет (см.), соглашаясь с высказанной П. Сорокиным (см.) в начале 1920-х позитивной оценкой этого труда, отметил, что эта "книга представляет собой искуснейшую попытку видного марксиста принять во внимание сложившиеся тогда основные понятия социологической теории и социологических исследований".] Развивая марксов тезис о сути взаимосвязи базиса и надстройки, Б. подчеркивал не только существование разнокачественных компонентов последней, но и ту колоссальную значимость, которую имеют в общественной жизни психология, идеология, нравственность и обычаи. По Б., диалектика и общественные изменения объяснимы теорией равновесия: все категории социального или материального порядка находятся в состоянии движения, которое проистекает из противоречий внутри данной системы.

Любая же система стремится (аналогично адаптации в биологии) к достижению равновесия. Источник движения Б. усматривал не в "саморазвитии", а в борьбе сил. Триаду Гегеля "тезис - антитезис - синтез" Б. пытался заместить схемой "первоначальное равновесие - нарушенное равновесие - восстановленное равновесие на новой основе". В обществе, по мнению Б., равновесие осуществляется между такими его элементами как вещи, люди и идеи.

Стремясь отстоять ортодоксальный экономический детерминизм монистического типа, Б. писал: "Производительные силы определяют общественное развитие потому, что они выражают собой соотношение между обществом и средой... А соотношение между средой и системой есть величина, определяющая, в конечном счете, движение любой системы". Описывая всемогущую, единственную, всеобъемлющую организацию милитаристского государственного капитализма, в границах которого "централизация становится централизацией казармы; неизбежно усиление среди верхов самой гнусной

военщины, скотской муштровки пролетариата, кровавых репрессий", Б. своими словами предсказал появление того, что впоследствии стало именоваться тоталитарным государством. В размышлениях 1915 он ассоциировал перспективу несоциалистической нерыночной экономики со складыванием первой в истории особой экономической формы.

Это - "не капитализм, так как исчезло бы производство товаров; но еще менее это был бы социализм, так как сохранилось бы (и даже бы углубилось) господство одного класса над другим. Подобная экономическая структура напоминала бы более всего замкнутое рабовладельческое хозяйство при отсутствии рынка рабов". (Позже, в 1930-х Б. подверг резкой критике "этатизм и цезаризм" нацистской Германии.

Он усматривал корни таких социальных явлений в "идее насилия, как постоянного фактора воздействия власти на общество, на человеческую личность", в "реальной пропасти между кучкой господствующих эксплуататоров и массой эксплуатируемых".

Результатом становится складывание в качестве основания режима "обезличенной массы, со слепой дисциплиной, с культом иезуитского послушания, с подавлением интеллектуальных функций". По мнению Б., "фашизм создал всесильное "тотальное государство", которое обезличивает все и вся, кроме начальства и "высшего начальства". Обезличивание масс прямо пропорционально здесь восхвалению "фюрера"... Так подавляющее большинство народа превращается в функционеров государства, скованных вторгающейся во все области жизни дисциплиной... Все доминируется тремя этическими нормами: преданностью "нации" или "государству", "верностью фюреру" и "казарменным духом".) Можно лишь гадать, в какой степени Б. относил эти характеристики к реалиям и перспективам сталинского СССР.

В центре внимания теоретических исканий Б. (как истинно большевистского политического лидера) находились проблемы насильственного социалистического переустройства российского общества и, в первую очередь, целенаправленной трансформации самодеятельного населения (особенно остатков интеллигенции) в сословие покорных власти "новых людей", осознанно разделяющих провозглашаемые властью идеалы. Разочарование в ряде тенденций эволюции советского общества 1930-х результировалось у Б. попытками обоснования дополнения марксовой философии некоей социологией мышления в качестве введения к ней, а также постулированием социалистического гуманизма как "идейной оси" времени и антитезы "фашистскому скотству". При этом в духе сопряженной традиции Б. рассматривал философскую мысль в СССР как нечто тождественное "правильной" партийной идеологии и исполняющую в этом контексте партийно-школярские цели и задачи. Анализ профессионального уровня текстов Б. вкупе с его пониманием ряда философских проблем (культура и фашизм, марксова концепция взаимосвязи теории и практики, деятельностный характер субъект-объектных отношений, вопросы абстрактного и

конкретного, нетрадиционное понимание свободы) свидетельствуют о том, что его социально-философское и социологическое творчество, безусловно, явилось в СССР (после уничтожения практически всей профессиональной философской традиции) одной из наиболее значимых версий послеоктябрьской общественной мысли. См. также: Большевизм, Сталин.

А.А. Грицанов